

политика

А.С.Ахременко, И.М.Локшин, Е.А.Юрескул ТРУДНОСТИ ПЕРЕХОДА: К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ПРЕПЯТСТВИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Ключевые слова: «ловушка развития», совокупная продуктивность факторов производства, экономический рост, институциональные факторы развития

Введение

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по теме «Экономическая эффективность и эволюция политических режимов: теоретическая модель взаимосвязи, кросс-страновой и динамический анализ», реализуемой Лабораторией качественных и количественных методов анализа политических режимов (ТЗ—37).

Общий вопрос, который интересует нас в настоящей статье, таков: почему чрезвычайно редки случаи перехода стран из группы «развивающихся» в группу «развитых»? Какие причины обуславливают длительное пребывание обществ на низком или среднем уровне экономического развития и мешают им стать «новой Данией»? Эта проблема чрезвычайно сложна, и мы затронем лишь некоторые ее аспекты. Но прежде целесообразно вкратце остановиться на уже имеющихся подходах к ее решению, с которыми особенно тесно связано наше исследование.

Эти подходы можно условно разбить на три пересекающиеся группы:

- 1) подход, рассматривающий данную проблему сквозь призму модернизации и анализирующий перспективы и препятствия для модернизации при разных политических режимах;
- 2) подход новой политической экономии, фокусирующийся на роли институтов как факторов долгосрочного экономического роста и противоречиях между эффектами институциональных реформ и интересами политически влиятельных групп;
- 3) подход экономики развития, в рамках которого сформулирован ряд теорий, связывающих ограничения развития с теми или иными особенностями экономики или взаимодействия экономики и политики.

В рамках первого подхода тезис о линейном развитии обществ и неизбежном, пусть и не обязательно быстром пополнении группы развитых стран выглядит сомнительным — по крайней мере со времен «Политического порядка в меняющихся обществах» Сэмюэля Хантингтона². Хотя в самой этой работе обосновывается возможность авторитарной модернизации и подтверждением тому служит опыт Китая, Сингапура, Чили и некоторых других стран, представление о закономерности и высокой вероятности такого поворота событий подвергается серьезной критике, особенно в последние полтора-два десятилетия³. Основной аргумент против подобного сценария заключается в том, что следствия реформ, предполагаемых самой модернизацией, противоречат интересам авторитарных элит. Это заключение выводит нас на второй из упомянутых подходов к проблеме.

² Хантингтон 2004.

³ См., напр. Maravall 1994; Carothers 2007; Макаренко 2008; Rodrik 2010; Гельман, Стародубцев 2014; Kinossian, Morgan 2014; Melville, Stukal, Mironyuk 2014.

Новая политическая экономия пытается найти ответ на поставленный выше вопрос посредством анализа интересов политически значимых акторов. Если такие акторы рискуют оказаться проигравшими (*losers*) по итогам реформ, они будут тормозить институциональные преобразования и тем самым блокировать экономический рост⁴. Важно также, что указанный подход дает ключ к объяснению редкости не только авторитарной, но и демократической модернизации — при демократии элиты, равно как и группы населения, заметно влияющие на результаты выборов, тоже могут страдать от реформ и потому торпедировать их⁵.

⁴ Acemoglu, Robinson 2000, 2006; Acemoglu 2003; Acemoglu, Johnson 2012.

⁵ Fernandez, Rodrik 1991; Krusell, Rios-Rull 1996; Hellman 1998.

⁶ Malthus s.a. См. также, напр. Clark 2007.

⁷ Azariadis, Stachursky 2005.

⁸ Gill, Kharas 2007.

⁹ Galor, Weil 2000.

Что касается третьего подхода, то наибольший интерес для нас представляют сформулированные в его рамках теории «ловушек развития». Помимо широко известной «мальтузианской ловушки» (*malthusian trap*)⁶ и «ловушек бедности» (*poverty traps*), которые могут иметь совсем иную природу, нежели «мальтузианская»⁷, выделяется также «ловушка среднего дохода» (*middle-income trap*)⁸.

Суть «мальтузианской ловушки» состоит в том, что позитивные эффекты от новых технологий и/или накопления капитала в долгосрочной перспективе влекут за собой лишь увеличение численности населения, а не рост душевого дохода. Согласно одной из авторитетных теорий, разработанной Одедом Галором и Дэвидом Вейлем⁹, решающее значение для выхода из этой ловушки имело смещение приоритетов с инвестиций в количество детей на инвестиции в качество (человеческий капитал), что привело к разрыву сильной положительной связи между экономическим ростом и ростом численности населения, позволив добиться серьезного повышения душевого дохода и уровня жизни.

«Ловушка среднего дохода» связана с тем, что в условиях глобализации быстрый и стабильный рост могут переживать экономики только двух типов: 1) опирающиеся на знания (*knowledge economy*) и развитый человеческий капитал и прогрессирующие благодаря технологическим инновациям; 2) основанные на использовании дешевой рабочей силы и способные импортировать уже готовые технологии¹⁰. Страны, вошедшие в зону «среднего дохода», не попадают ни в одну из этих категорий. Они уже не могут расти за счет дешевой рабочей силы (наращивая лишь производительность труда) и при этом не в состоянии конкурировать с наиболее развитыми странами в сфере технологий. Для становления «экономики знаний» нужна особая инфраструктура, и прежде всего институты, стимулирующие инвестиции в человеческий капитал и R&D (не говоря уже о развитых институтах защиты прав собственности). Однако создание такой инфраструктуры обычно требует масштабных и долгосрочных реформ, проведению которых мешает поляризованность интересов экономических агентов¹¹.

¹⁰ Garrett 2004.

¹¹ Doner, Schneider 2016.

В настоящем исследовании мы используем элементы всех упомянутых подходов, но вместе с тем обращаем внимание на еще одно возможное объяснение «ловушки развития». Опираясь на разработки сторонников первого и второго подхода, мы принимаем в расчет противоречие

между интересами политических элит и эффектами институциональных реформ; отталкиваясь от третьего подхода, мы пытаемся связать саму поляризованность интересов экономических агентов с наличным уровнем экономического развития, который в значительной степени определяется совокупной продуктивностью факторов производства (*total factor productivity, TFP*) (а она, в свою очередь, зависит прежде всего от уровня технологического развития)¹². Подобно тому, как Галор и Вейль связывают структуру стимулов экономических агентов с уровнем технологического развития, мы предлагаем мыслить TFP как один из параметров, детерминирующих склонность инвестировать в экономически продуктивную деятельность или извлечение ренты. Очень грубо наша объяснительная схема может быть сведена к следующему. Политические элиты, аккумулировавшие ресурсы принуждения и добившиеся монополии на легитимное насилие¹³, способны реализовывать разные стратегии экономического развития, но пока TFP низка, они больше заинтересованы в извлечении ренты, нежели в создании условий для инновационной экономики. Поэтому низкий уровень TFP сам по себе препятствует принятию мер, направленных на его повышение, и такое положение вещей следует квалифицировать как «ловушку развития», базирующуюся одновременно на экономических и политических факторах.

¹² Easterlin 1981.

¹³ Weber 1919.

TFP и структура стимулов агентов

Рассмотрим экономику, в которой имеются два фактора производства: частный капитал и публичный капитал. Совокупный выпуск Y в период t определяется функцией Кобба-Дугласа вида

$$Y(t) = A_t K^\alpha(t) G^{1-\alpha}(t),$$

где A — TFP, K — частный капитал, G — публичный капитал, α — эластичность выпуска. Изменение частного и публичного капитала от периода к периоду зависит, помимо прочего, от налоговой ставки и доли «эффективно» используемого (i.e. инвестируемого в публичный капитал) государственного бюджета, который пополняется за счет налогов¹⁴.

¹⁴ Подробнее см. Ахременко, Локшин, Петров 2016.

В экономике действуют два типа агентов — «капиталисты» и «рантье». (К последней категории относятся агенты, контролирурующие распределение государственного бюджета, то есть бюрократия и, шире, политическая элита.) «Капиталисты» заинтересованы в максимизации частного капитала; они также должны пытаться уклониться от уплаты налогов, если вероятность наказания за такое уклонение не слишком высока. «Рантье» могут повышать свои доходы через изменение двух параметров: (1) объема «неэффективно» используемой части государственного бюджета, которая не пополняет публичный капитал, а фактически перераспределяется в пользу «рантье» (в сущности, этот параметр определяет масштаб коррупционных практик); (2) размеров государственного бюджета как такового. Ввиду наличия этой второй

переменной «рантье» имеют определенный интерес в росте экономики, поскольку это позволяет увеличить государственный бюджет (что подтверждает заключение Мансура Олсона о частичной заинтересованности оппортунистически настроенных политических элит в экономическом развитии¹⁵).

¹⁵ Olson 1993.

Таким образом, и «капиталисты», и «рантье» встают перед выбором механизмов увеличения своих доходов. Перед ними открыты две стратегии — «оппортунизм» и «забота об общем благе». Для «капиталистов» стратегия «оппортунизма» состоит в уклонении от уплаты налогов, для «рантье» — в извлечении ренты посредством коррупционных практик (i.e. присвоении части государственного бюджета, предназначенного для инвестиций в публичный капитал). Стратегия «заботы об общем благе» для «капиталистов» заключается в том, чтобы честно платить налоги, а для «рантье» — в том, чтобы сокращать объем коррупционных практик. Принципиально важно, что стратегии «оппортунизма», в отличие от стратегий «заботы об общем благе», в конечном счете препятствуют росту экономики.

¹⁶ Ср. эти рассуждения с заключениями Уильяма Баумоля (Baumol 1990) и Кэвина Мёрфи, Андрея Шлейфера и Роберта Вишны (Murphy, Shleifer, Vishny 1991). Похожие рассуждения можно найти также в Lokshin, Samorodova, Skopisova 2016.

Возникает вопрос: какой стратегии выгоднее придерживаться «капиталистам» и «рантье»? В сущности, это вопрос о структуре стимулов агентов: какая из стратегий более продуктивна с точки зрения увеличения их доходов? Другими словами, структура стимулов агентов зависит от относительной величины отдачи от «оппортунизма» и «заботы об общем благе»¹⁶.

¹⁷ Теоретико-игровую модель, отчасти формализующую эту идею, см. Ахременко, Локшин, Петров 2016. См. также Lokshin 2015.

Согласно нашей гипотезе, структура стимулов агентов детерминирована в том числе совокупной продуктивностью факторов производства — TFP¹⁷.

¹⁸ Olson 1993. Эта идея также лежит в основе идеи «дисциплинирования» игроков в дилемме заключенного при повторяющемся взаимодействии (см., напр. Захаров 2015).

Содержательно наш тезис сводится к тому, что высокая TFP повышает привлекательность стратегии «заботы об общем благе» по сравнению со стратегией «оппортунизма», поскольку предполагает возможность посредством продуктивного вложения ресурсов в экономику в текущем периоде получить большую отдачу в периоде следующем, тем самым компенсируя сокращение заинтересованности агентов в будущем, которое находит отражение в факторе дисконтирования меньше единицы. Иначе говоря, более высокая TFP выступает функциональным аналогом удлинения временного горизонта, а длинный временной горизонт принципиально важен для взаимного сближения частных интересов разных агентов¹⁸.

¹⁹ Данная логика зафиксирована в известном английском выражении — «grow the pie» (см., напр. Carbone, Richards 2009).

Можно дать и внешне иное (хотя и аналогичное в содержательном отношении) объяснение позитивного эффекта TFP. При использовании стратегий «оппортунизма» увеличение доходов агентов происходит за счет присвоения части совокупного выпуска, а при использовании стратегий «заботы об общем благе» — за счет увеличения такового. То есть, пытаясь увеличить свой доход, агенты могут ориентироваться либо на увеличение присваиваемой части «общего пирога», что будет задерживать рост совокупного выпуска, либо на увеличение самого «пирога»¹⁹. Высокая TFP, как правило, означает достаточно быстрый

рост экономики, что повышает привлекательность инвестиций в будущее («заботы об общем благе») по сравнению с непродуктивным перераспределением (стратегией «оппортунизма»).

«Ловушка TFP»

В соответствии с вышесказанным низкая TFP должна стимулировать агентов (и «рантье», и «капиталистов») к выбору стратегии «оппортунизма», которая препятствует экономическому росту.

Но низкая TFP имеет еще одно следствие (тесно связанное с только что обозначенным): она обуславливает огромный разрыв между интересами «рантье» и «капиталистов»²⁰. В действительности это просто импликация предыдущего тезиса: если высокая TFP побуждает агентов к «заботе об общем благе» и тем самым сближает их интересы, то низкая имеет противоположный эффект.

В свою очередь, разрыв между интересами «рантье» и «капиталистов» имеет уже не только экономическое, но и политическое значение, так как препятствует достижению согласия по поводу политического курса (*policy*).

Это обстоятельство интересует нас в связи с тем, что высокая TFP может быть достигнута только в специфическом институциональном климате — при эффективной защите прав собственности, честных «правилах игры», длинных горизонтах планирования, ориентированной на инновации системе образования, децентрализованной системе принятия решений²¹, то есть при наличии всех тех условий, которых требует «шумпетерианский рост», основанный на «созидательном разрушении»²². Такой институциональный климат не рождается сам собой: его создание предполагает сознательные действия политических элит, а его поддержание невозможно без высокого качества управленческих институтов²³. Иными словами, для утверждения такого институционального климата обычно необходимы масштабные институциональные реформы²⁴.

Однако по изложенным выше причинам осуществление подобных реформ наталкивается на серьезные преграды. Поскольку в условиях низкой TFP «рантье» заинтересованы в сохранении и расширении пространства для извлечения ренты, они будут тормозить проведение реформ, повышающих TFP, что, ввиду пагубного воздействия на экономику стратегии «оппортунизма», лишь усилит стимулы к извлечению ренты. В этой точке наши рассуждения смыкаются с выводами новой политической экономии.

Низкая TFP стимулирует оппортунистическое поведение и одновременно препятствует проведению реформ, способных привести к повышению TFP. Такую ситуацию естественно трактовать как «ловушку TFP»: странам, находящимся в зоне низкой TFP, должно быть очень сложно преодолеть барьер, отделяющий их от наиболее развитых стран мира. Однако этот вывод оставляет немало вопросов. Почему в мире вообще есть развитые страны? Что позволило некоторым сообществам

²⁰ Ахременко, Локшин, Юрескул 2015.

²¹ Kharas, Kholi 2011; Rodrik 2000.

²² Schumpeter 2003.

²³ См. дискуссии о Good Governance в Rothstein 2012.

²⁴ Doner, Schneider 2016.

преодолеть границу между низкой и высокой TFP? Как предложенная выше логика стыкуется с тем, что в зоне низкой TFP все-таки встречается довольно существенный экономический рост (подтверждением тому служит, в частности, опыт Китая, хотя нетрудно привести и много других примеров)? В настоящей статье будет представлен набросок концепции, касающейся стадий экономического развития и объединяющей в себе политические и экономические параметры.

Политические институты и экономический рост в условиях низкой TFP

Институциональная инфраструктура, без которой невозможен переход к высокой TFP, предполагает состоятельность государства в обеспечении и поддержании соответствующих экономических условий. Разумеется, состоятельность государства при исполнении именно этих функций не обязательно означает его состоятельность в других отношениях. Проблематика государственной состоятельности чрезвычайно широка, о чем свидетельствует уже само разнообразие терминов, описывающих примерно одну и ту же совокупность явлений («government effectiveness»²⁵, «state capacity»²⁶, «stateness»²⁷, «good governance»²⁸, «качество функционирования государства»²⁹ и др.)³⁰. Концептуальный анализ «государственной состоятельности» заведомо выходит за рамки данной статьи, поэтому лишь отметим, что мы понимаем под ней способность государства осуществлять определенные функции, связанные с предоставлением общественных благ. При этом мы не рассматриваем государственную состоятельность как нечто единое: в ней могут быть выделены разные аспекты. Так, Майкл Манн подразделял власть государства на «деспотическую» (способность принимать решения самостоятельно, вне институционализированных консультаций с социальными группами) и «инфраструктурную» (способность «пронизывать» (*penetrate*) гражданское общество и эффективно воплощать политические решения)³¹. И если «деспотическая» власть может быть приравнена к власти, основанной на принуждении (*coercive power*)³², то власть «инфраструктурная» зависит прежде всего от уровня развития и качества институтов.

Опираясь на эти рассуждения, мы выделяем сходные аспекты государственной состоятельности. Первый из них связан со способностью эффективно принуждать граждан к повиновению и основан на аккумуляции ресурсов насилия. С экономической точки зрения речь идет о способности собирать налоги и сводить к минимуму долю теневой экономики. Второй заключается в способности эффективно реализовывать решения, принятые на верхних этажах власти, что подразумевает качественное функционирование бюрократического аппарата при его подконтрольности лицам, принимающим политические решения (данный аспект государственной состоятельности, таким образом, предполагает, что сами лица, принимающие политические решения, по тем или иным причинам склонны не к «оппортунизму», а к «заботе об общем благе»).

²⁵ Kaufmann, Kraay, Mastruzzi 2009.

²⁶ Bäck, Hadenius 2008.

²⁷ Melville, Stukal, Mironyuk 2013.

²⁸ Rothstein 2012.

²⁹ Локшин 2011.

³⁰ Обзор этой проблематики см. Мельвиль, Ефимов 2016.

³¹ Mann 1984.

³² Fortin-Rittberger 2014.

С учетом этого различия вывод, сделанный в предыдущем разделе статьи, должен рассматриваться в свете второго аспекта государственной состоятельности: эффективность реализации политических решений и подконтрольность бюрократии и есть часть институциональной инфраструктуры, необходимой для повышения TFP. Отсюда следует, что низкая TFP, помимо прочего, препятствует проведению реформ, способствующих развитию этого аспекта государственной состоятельности. Однако остается неясным, как это сказывается на другом ее аспекте — способности к принуждению.

Если исходить из веберовской трактовки государства, первый аспект государственной состоятельности имеет более фундаментальное значение, нежели второй, — монополия на насилие и аккумуляция ресурсов принуждения суть базовые характеристики современного государства. Любое современное государство по определению должно быть достаточно успешным в этом отношении, хотя его эффективность с точки зрения второго измерения государственной состоятельности может существенно варьировать.

Для последующего анализа важна еще одна деталь: установление монополии на насилие (а значит — элементарного политического порядка) само по себе предполагает создание базовых условий для продуктивной экономической деятельности. Во всяком случае, в этом плане наличие государства должно обеспечивать серьезный прогресс по сравнению с анархией³³.

³³ Гоббс 2001.

Таким образом, при низкой TFP мы обнаруживаем двойственное влияние государственной состоятельности в ее первом аспекте на продуктивную экономическую деятельность: с одной стороны, оно позитивно ввиду появления элементарного порядка и предсказуемости; с другой стороны, оно негативно, так как государственные агенты («рантье») не заинтересованы в создании условий для «шумпетерианского роста».

Можно ли сделать какие-то правдоподобные предположения относительно того, какой из этих трендов окажется сильнее при тех или иных обстоятельствах? Для начала заметим, что по мере удаления от состояния анархии предельный позитивный эффект от роста государственной состоятельности в ее первом аспекте должен снижаться. В то же время есть основания полагать, что все большая аккумуляция государством ресурсов насилия (при низкой TFP) будет приводить к:

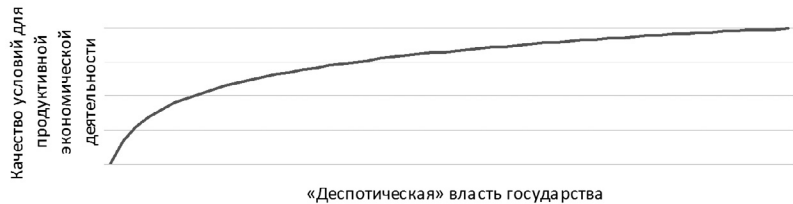
- 1) расширению возможностей «рантье» действовать произвольно, не обращая внимания на мнения «капиталистов» (по сути, это и есть главная характеристика «деспотической» власти по Манну);
- 2) увеличению численности хотя бы той части государственного аппарата, чьи функции связаны с осуществлением насилия, а соответственно, и числа агентов, ориентированных на извлечение ренты;
- 3) ужесточению механизмов сбора налогов, затрудняющему уклонение от их уплаты (поскольку «рантье» заинтересованы в эффективном сборе налогов).

Первые две тенденции означают, что усиление государственной состоятельности в первом ее аспекте должно способствовать усугублению склонности «рантье» к оппортунизму. Третья — что ключевое препятствие для экономического роста будут представлять интересы «рантье», а не «капиталистов».

Итак, рост «деспотической», в терминах Манна, власти должен следующим образом сказываться на продуктивной экономической деятельности: первоначально сильный и положительный эффект от ухода от анархии должен постепенно ослабевать, а склонность «рантье» к оппортунизму — усиливаться. Потому логично предположить, что в зоне ухода от анархии позитивная тенденция будет сильнее негативной, но при отдалении от нее на передний план все больше будут выходить негативные тенденции. Тем самым зависимость условий для продуктивной экономической деятельности от «деспотической» власти должна описываться выгнутой вверх функцией — и, вероятно, с положительной первой производной (хотя нельзя исключить, что та может стать и отрицательной). Эвристически эта зависимость отражена на *рис. 1*.

Рисунок 1 Взаимосвязь между «деспотической» властью государства и условиями для продуктивной экономической деятельности: эвристическое представление³⁴

³⁴ Улучшение условий происходит от нижнего к верхнему краю шкалы (по оси ординат), рост «деспотической» власти — от левого к правому (по оси абсцисс).

Как мы видим, данная зависимость имеет верхний предел, наличие которого обосновано в предыдущих разделах статьи: низкая TFP порождает противоречие между условиями улучшения институциональной инфраструктуры, с одной стороны, и интересами «рантье» — с другой.

NB! При этом вовсе не обязательно думать о «рантье» в контексте авторитарного политического режима: даже те страны, которые считаются успешными примерами демократического транзита, по качеству институтов так и не вышли на уровень развитых стран Запада. Судя по всему, реализация «демократического» компонента либеральной демократии отнюдь не подразумевает автоматического воплощения ее «либерального» компонента, связанного с верховенством права и эффективным дисциплинированием политических элит³⁵.

³⁵ Подробнее см. Локшин 2016.

**TFP,
«деспотическая»
власть
и типология
«режимов роста»**

Опираясь на приведенные выше рассуждения, можно выделить два фактора, которые, наряду с другими параметрами, могут определять перспективы экономического роста — уровень TFP и развитость «деспотической» власти. На этом основании можно составить грубую (предельную эвристические цели) типологию «режимов экономического роста» (см. табл. 1).

Таблица 1 Типология «режимов роста» по критериям TFP и «деспотической» власти

	<i>Неразвитость «деспотической» власти</i>	<i>Развитость «деспотической» власти</i>
<i>Низкая TFP</i>	Анархическое состояние и экономический коллапс	«Ловушка TFP» с возможностью экстенсивного роста
<i>Высокая TFP</i>	Невозможная комбинация	Долгосрочный и устойчивый рост

Обсудим кратко каждый из возможных вариантов.

Анархическое состояние и экономический коллапс. Незрелость «деспотической» власти подразумевает, что государство, если оно вообще существует, не в состоянии эффективно выполнять функцию принуждения к повиновению, что ставит под вопрос соответствие данного государства веберовскому критерию государственности. В такой ситуации права собственности защищены плохо, а потому экономические агенты имеют короткие временные горизонты, не склонны инвестировать в долгосрочные проекты и могут пытаться компенсировать незащищенность прав собственности вложением ресурсов в инструменты насилия, способные обеспечить неприкосновенность принадлежащих им благ³⁶. Низкая TFP подразумевает привлекательность стратегии «оппортунизма», что в условиях слабости центральной власти может вести не просто к ориентации на извлечение ренты, но и к перераспределению посредством захватнических действий³⁷. Таким образом, в этом случае следует ожидать стабильно неразвитой или чрезвычайно медленно растущей экономики.

Невозможная комбинация. Сочетание высокой TFP и незрелости «деспотической» власти обозначено как невозможное, поскольку слабость центральной власти, ведя к незащищенности прав собственности, подрывает стимулы экономических агентов к продуктивной деятельности, а значит, разрушает условия для формирования высокой TFP.

«Ловушка TFP» с возможностью экстенсивного экономического роста. Описанию данного кейса фактически были посвящены предыдущие разделы статьи, поэтому мы воздержимся здесь от пространственных комментариев.

³⁶ Эти рассуждения имеют ограниченную валидность для обществ, где социальный порядок поддерживается общиной и «коллективистскими» установками (см., напр. Greif 1994; Dixit 2007).

³⁷ Ср. Baumol 1990.

Однако необходимо пояснить, что понимается под возможностью экстенсивного экономического роста. Прежде всего речь идет о том, что для роста, основанного на изменении структуры экономики за счет использования уже имеющихся и/или доступных для заимствования технологий, вовсе не обязателен высокий уровень развития «инфраструктурной» власти. Масштабная индустриализация вполне может проводиться и с опорой на «деспотическую» власть, ярчайшим примером чего служит радикальное изменение структуры экономики СССР в 1930-е годы. Кроме того, существует такой паттерн роста, как перемещение рабочей силы из менее продуктивных секторов экономики в более продуктивные (обычно из сельского хозяйства в промышленность). Подобный паттерн роста, как показывают исследования, типичен для стран, переходящих из группы неразвитых в группу среднего дохода, в то время как для группы развитых стран характерна высокая продуктивность во всех отраслях экономики³⁸. О «ловушке TFP» можно говорить даже применительно к Китаю, который часто приводится как пример чрезвычайно успешного экономического роста, но по уровню TFP все еще заметно уступает развитым странам³⁹.

³⁸ McMillan, Rodrik 2012.

³⁹ Hsieh, Klenow 2009.

Долгосрочный и устойчивый рост. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда TFP находится выше той критической точки, за которой стратегия «заботы об общем благе» становится более предпочтительной, чем стратегия «оппортунизма», а государство достаточно сильно для эффективного принуждения граждан к повиновению и вместе с тем заинтересовано скорее в обеспечении условий роста, нежели в извлечении ренты, что открывает дорогу к созданию институтов, поддерживающих качественную «инфраструктурную» власть, а также к дальнейшему росту TFP.

В целях проверки предположения о том, что страны с низкой TFP оказываются в своего рода ловушке — они не переходят в группу развитых стран, их TFP не достигает уровня, свойственного последним, а институциональная инфраструктура остается заметно менее качественной, чем в странах с высокой TFP, — нами был проведен эмпирический анализ, описание и результаты которого будут представлены в следующих разделах статьи.

Измерение TFP и сопутствующих индикаторов

Для проведения эмпирического исследования прежде всего требовалось получить релевантные оценки совокупной продуктивности факторов производства.

Попытки измерения TFP имеют довольно долгую и разнообразную историю. Еще в первой половине XX в. экономисты рассчитывали совокупный индекс выпуска на единицу затрат (*output per unit input index*) для обозначения роста производства, не поддающегося объяснению ростом отдельных его факторов⁴⁰. В настоящее время существуют два принципиальных подхода к оценке TFP: параметрический, при котором задается конкретная форма производственной функции, и непараметрический, опирающийся исключительно на эмпирические данные.

⁴⁰ См., напр. Copeland, Martin 1938.

Параметрический подход к измерению TFP обладает некоторыми преимуществами, которые одновременно оказываются и недостатками: для расчета совокупной продуктивности факторов производства нужны сильно дезагрегированные данные об экономиках соответствующих стран (то есть данные о ресурсных затратах, выпуске и ценах для всех отраслей экономики). С одной стороны, такой подход позволяет выявлять глубинные тенденции развития экономики, с другой — требует сбора большого количества информации, что затрудняет расчеты. Ключевая проблема — возможность только парных сравнений (в пространственном разрезе — по отношению к уровню США, во временном — к некоему фиксированному году). Это делает невозможным полноценный пространственно-временной анализ динамики TFP для большой выборки стран.

Что касается непараметрического подхода, то он не предусматривает спецификации производственных функций в явном виде; в качестве данных используются только агрегированные значения затрат и выпуска на уровне страны. Несмотря на кажущуюся простоту, непараметрические методы позволяют анализировать факторы развития экономических систем как в пространстве, так и во времени.

Одним из наиболее популярных непараметрических методов оценки TFP является так называемый оболочечный анализ данных (Data Envelopment Analysis, DEA). Этот метод предполагает, что экономики с оптимальным соотношением затрат и выпуска формируют технологический фронт, то есть служат эталоном для других, менее эффективных. Каждая из анализируемых стран обозначается точкой в многомерном пространстве, измерениями которого выступают уровни затрат и выпуска. На основе эмпирических показателей затрат и выпуска строится огибающая кривая (или, для многомерных производственных функций, многомерная поверхность), проходящая через точки, соответствующие наиболее эффективным странам. Расстояние до этой кривой (или поверхности) и определяет уровень TFP. Ключевое преимущество указанного метода для задач настоящего исследования заключается в том, что он позволяет получать оценки TFP, сопоставимые и во времени, и в пространстве: если использовать для расчета фронта данные по всем изучаемым странам за весь рассматриваемый период, то сам фронт будет отражать эталон развития для всей пространственно-временной выборки. При этом движение конкретной экономики в сторону фронта будет свидетельствовать о росте TFP, а в обратном направлении — о ее падении.

При расчете TFP непараметрическими методами мы опирались на следующие данные, взятые из базы Международного валютного фонда⁴¹:

- уровень выпуска (Y) — валовой внутренний продукт в постоянных ценах по паритету покупательной способности;
- уровень публичного капитала (K_g) — доля государственного капитала в ВВП;
- уровень частного капитала (K_p) — доля частного капитала в ВВП;

⁴¹ <http://www.imf.org/en/Data>.

— трудовые ресурсы (L) — общая численность работоспособного населения.

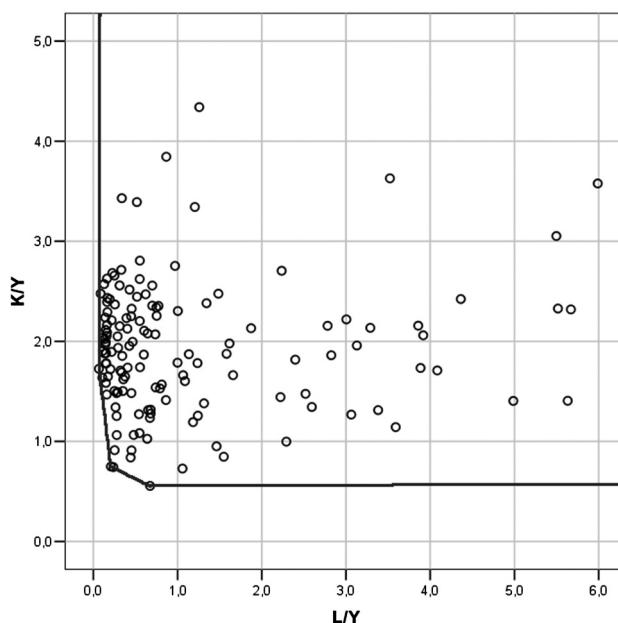
В исследовании задействована двухмерная модель DEA: каждая из стран выборки в каждый момент времени представлена в виде точки в пространстве, измерениями которого служат затраты труда на единицу выпуска L/Y и затраты капитала на единицу выпуска K/Y . Для вычисления затрат капитала используется комбинация частного и публичного капитала $(K_p + K_g)/Y$. Чтобы получить на их основе приближения для производительности труда (*Labor_Productivity*) и капитала (*Capital_Productivity*), достаточно взять обратные величины:

$$Labor_Productivity = \frac{1}{L/Y};$$

$$Capital_Productivity = \frac{1}{K/Y}.$$

Граница производственных возможностей (фронтир) формируется странами, продемонстрировавшими минимальные уровни затрат на единицу выпуска (см. рис. 2), и представляет собой ломаную линию, выгнутую в сторону начала координат.

Рисунок 2 Государства мира в пространстве $K/Y, L/Y$ в 2013 г. и граница производственных возможностей (фронтир)

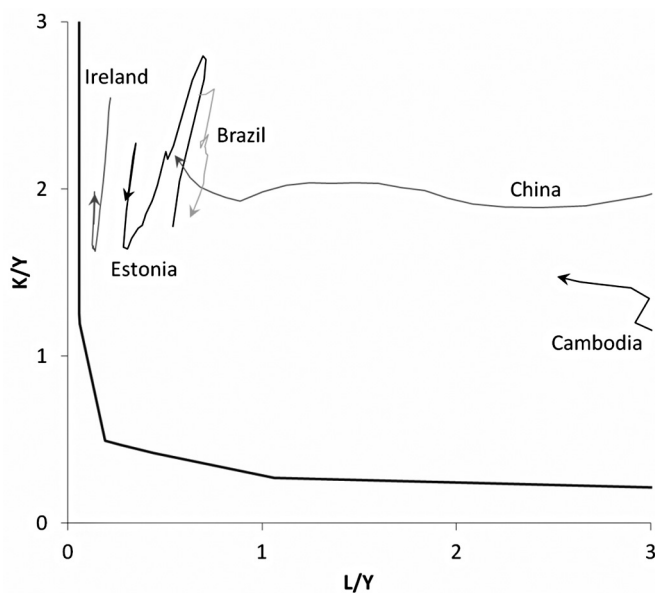

Подобная методика расчета дает возможность содержательной интерпретации нескольких важных для настоящего исследования свойств TFP. Благодаря использованию сопоставимых в пространстве и во времени оценок мы можем строить траектории развития экономических систем (см. *рис. 3*) и анализировать их форму, выявляя возможные барьеры на пути развития. В свою очередь, форма траектории позволяет определить превалирующие механизмы экономического роста в конкретном государстве — рост за счет увеличения (а) производительности труда, (б) производительности капитала или (в) TFP — и проследить связь траекторий развития с институциональными факторами.

Как видно из *рис. 3*, развитие экономики государства может идти по двум траекториям — вдоль вертикальной оси K/Y (развитие, обусловленное повышением производительности капитала) и вдоль горизонтальной оси L/Y (развитие, обусловленное повышением производительности труда).

Помимо динамического анализа траекторий развития государств, применение непараметрического подхода позволяет разложить экономический рост на составляющие — рост за счет накопления факторов производства (вдоль осей на *рис. 3*) и рост за счет TFP (диагональное движение в сторону начала координат). Через эти составляющие,

Рисунок 3 Типичные траектории развития стран в пространстве K/Y , L/Y

обозначив их *Due_Accumulation* и *Due_TFP* соответственно, можно представить рост общего выпуска (ВВП):

$$\frac{Y_{t=1}}{Y_{t=0}} = (\text{Due_TFP}) \cdot (\text{Due_Accumulation}) = d_A d_f,$$

где $t = 0, t = 1$ обозначают начало и конец интересующего нас отрезка времени.

Имея рассчитанные значения TFP, мы можем вычислить компонент, отвечающий за рост производительности:

$$\text{Due_TFP} = d_A = \frac{\text{TFP}_{t=1}}{\text{TFP}_{t=0}}.$$

В итоге у нас появляется возможность вычленить экономический рост, вызванный исключительно накоплением факторов производства:

$$\text{Due_Accumulation} = d_f = \frac{Y_{t=1} / Y_{t=0}}{d_A} = \frac{Y_{t=1} A_{t=0}}{Y_{t=0} A_{t=1}}.$$

Таким образом, мы получили все переменные (в части совокупной продуктивности факторов производства), необходимые для эмпирического анализа.

Эмпирический анализ

⁴² GDP s.a.

Для проверки изложенных выше гипотез относительно «ловушек развития» нам потребовалось прежде всего разделить страны мира на группы в зависимости от уровня благосостояния. Последний измерялся вполне традиционно — через ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в постоянных (2011 г.) долларах США⁴². Пространственно-временной массив наблюдений охватывал 149 стран за период с 1990 по 2013 г. Хронологические рамки исследования и набор стран были заданы имеющимися оценками TFP, которые — наряду с другими индикаторами — использовались в качестве независимых переменных. Кроме того, из выборки были исключены специфические, нетипичные страны, подушевой ВВП которых устойчиво превышал 70 тыс. долларов, такие как Катар или ОАЭ.

⁴³ Для контроля устойчивости разбиение делалось с разными значениями K как по всему массиву, так и по отдельным годам; кроме того, результаты проверялись с помощью техник расщепления смесей.

Чтобы получить «естественное» разделение стран на группы по признаку близости уровней благосостояния, мы прибегли к кластер-анализу методом K -средних. Этот метод, предполагающий минимизацию расстояний между объектами внутри кластеров с одновременной максимизацией расстояний между центрами кластеров, обычно используется при анализе многомерных систем данных, но вполне применим и к одномерным распределениям. В результате мы остановились на разбиении совокупности на четыре кластера ($K = 4$) как наиболее устойчивом⁴³.

На рис. 4 и 5 представлено исходное распределение подушевого ВВП и число наблюдений (страна — год) в каждом из кластеров; кластеры

пронумерованы в порядке возрастания признака. Бросается в глаза внушительное «численное преимущество» бедных: частота первого кластера превышает суммарную частоту остальных. При этом в четвертый кластер вошли лишь 8% всех наблюдений.

Поскольку у изучаемого нами массива данных имеется не только пространственное, но и временное измерение, мы смогли проследить динамику благосостояния каждой страны посредством фиксации перемещения из кластера в кластер. Это более надежный способ зафиксировать качественное изменение в благосостоянии, нежели традиционный для экономистов анализ темпов роста. В результате было получено семь групп стран: четыре «устойчивые» и три «переходные». Группы стран, не

Рисунок 4 Распределение ВВП на душу населения по ППС

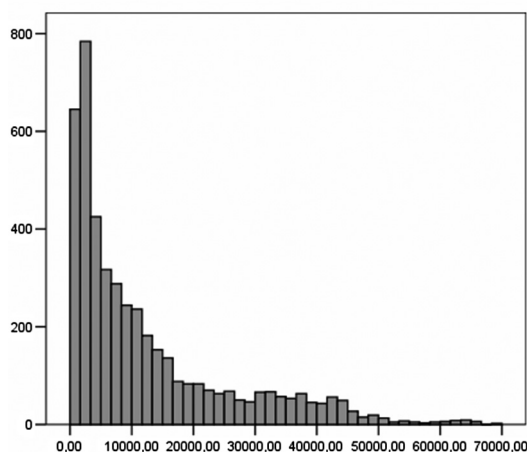
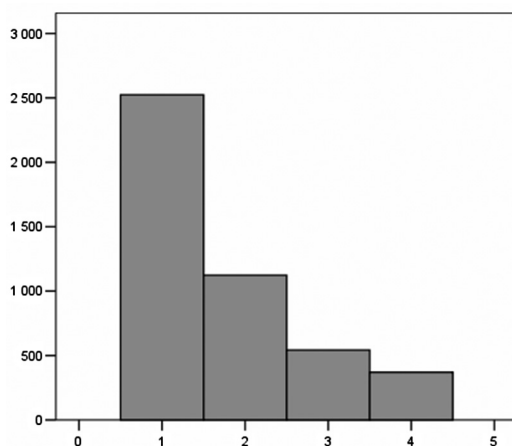

Рисунок 5 Разбиение наблюдений по кластерам благосостояния

менявших кластерной принадлежности на протяжении всех рассматриваемых 24 лет, были обозначены цифрами 1, 2, 3, 4, переходные — 1→2, 2→3, 3→4. Так, например, обозначение 1→2 содержательно отражает переход из кластера самых бедных стран в кластер государств, ушедших от бедности, но еще очень далеких от «клуба избранных». В качестве переходных квалифицировались лишь те страны, которые сумели закрепить себя в кластере с более высоким уровнем благосостояния. Примеры стран для каждой из выделенных групп приведены в *таб. 2*.

Таблица 2 Типичные страны для каждой из групп

<i>Группа</i>	<i>Примеры стран</i>
1	Ангола, Мьянма, Гондурас, Камбоджа
1→2	Албания, Китай, Перу, Египет
2	Аргентина, Бразилия, Иран, Мексика
2→3	Эстония, Чехия, Чили, Малайзия
3	Кипр, Испания, Италия
3→4	Сингапур, Оман, Ирландия
4	Швейцария, США, Норвегия, Бахрейн

Следует особо подчеркнуть, что нами не зарегистрировано почти ни одного надежного «перескока» через кластер: 1→3 или 2→4. Это вполне наглядное эмпирическое свидетельство силы «ловушек развития». Единственное (и весьма своеобразное) исключение из этого правила — Экваториальная Гвинея, совершившая переход 1→3. В 1996 г. там были открыты богатейшие залежи нефти, что в условиях небольшого по численности населения позволило очень быстро увеличивать подушевой ВВП. Но богатство в Экваториальной Гвинее распределено крайне неравномерно, поэтому ее трудно считать эталоном экономического прорыва. Гораздо интереснее более «скромные» переходы — в соседние кластеры.

И здесь возникает естественный вопрос: существуют ли систематические различия между странами, сумевшими перейти в более высокий кластер, и теми, которым не удалось это сделать? Какие факторы обуславливают способность к переходу? Особый интерес для нас представляет переход 3→4, в группу наиболее развитых стран.

При выборе переменных для поиска таких систематических различий мы отталкивались от соображений, приведенных в теоретической части работы. Были проанализированы три группы показателей — показатели институционального развития, показатели эффективности (на основе ТФР) и показатели «деспотической» власти государства.

Для выделения показателей институционального развития были задействованы три группы индикаторов, имеющие наиболее прямое отношение к проблемам экономического роста: (1) степень прозрачности и отсутствия коррупции; (2) уровень защиты прав собственности; (3) качество государственного управления.

В роли индикаторов прозрачности и отсутствия коррупции использовались: *Bayesian Corruption Index*⁴⁴, *Andrew Williams Transparency Index*⁴⁵, *Index of Political Corruption* (из проекта «*Varieties of Democracy*»)⁴⁶, *Corruption Perceptions Index* «*Transparency International*» (с 1996 г.)⁴⁷ и *Control of Corruption Index* (опять же с 1996 г.), входящий в *Worldwide Governance Indicators* Всемирного банка⁴⁸.

Защищенность прав собственности измерялась посредством трех индикаторов: *Legal Structure and Security of Property Rights Index* Института Фрэйзера⁴⁹, компонента *Property Rights* Индекса экономической свободы Фонда «*Heritage*»⁵⁰ и *Rule of Law Index* (из *Worldwide Governance Indicators*).

Качество государственного управления определялось на основе таких показателей, как *Quality of Government* (из проекта «*International Country Risk Guide*»)⁵¹, а также *Government Effectiveness* и *Regulatory Quality* (из *Worldwide Governance Indicators*).

Все упомянутые институциональные индикаторы сильно коррелируют между собой (внутри своих групп), что позволяет использовать метод главных компонент для сжатия данных. Мы рассчитали три первых главных компоненты для каждой группы институциональных индикаторов — *Transparency*, *Property_Rights* и *Governance_Quality*, — охватывающие 87,1%, 90,8% и 93,8% совокупной вариации данных соответственно. Далее для краткости будут использоваться расчеты на их основе. Для каждой институциональной переменной были рассчитаны также темпы роста (в % к предыдущему году): *Transparency_Growth*, *Property_Rights_Growth*, *Governance_Quality_Growth*.

Показатели эффективности (*productivity*) рассчитывались на основе авторской методики оценки TFP. Она изложена в предыдущем разделе, и здесь мы просто перечислим используемые переменные:

- *TFP* — совокупная продуктивность факторов производства;
- *TFP_Growth* — рост TFP в % по отношению к предыдущему году;
- *Due_TFP* — вклад TFP в экономический рост;
- *Due_Accumulation* — вклад накопления факторов производства в экономический рост;
- *Labor_Productivity* — производительность труда;
- *Capital_Productivity* — производительность капитала;
- *Labor_Productivity_Growth* — рост производительности труда в % к предыдущему году;
- *Capital_Productivity_Growth* — рост производительности капитала в % к предыдущему году.

Сложнее всего измерить государственную состоятельность в аспекте «деспотической» власти. В качестве первого приближения нами было взято число полицейских на 10 тыс. населения⁵² (*Police*). Вторая проху — доля «белой» (не теневой) экономики⁵³ (*Non_Shadow*). Мы исходим из предположения, что значительное сокращение теневого сектора может быть достигнуто за счет экстенсивного расширения

⁵² Harrendorf et al. 2010

⁵³ Ceyhun, Oguz 2012

принудительных ресурсов государства без совершенствования институтов «инфраструктурной» (в терминах Манна) власти.

Таким образом, к факторам перехода в более высокую по уровню благосостояния группу были отнесены два аспекта государственной состоятельности («деспотическая» и «инфраструктурная» власть), а также различные составляющие продуктивности (TFP и ее производные).

В качестве первого шага в анализе данных мы воспользовались простым дисперсионным анализом (ANOVA), показывающим статистическую значимость различий средних в группах. Переходные группы стран сравнивались с «материнскими» для них группами стран «устойчивых». Так, группа 1→2 сопоставлялась с группой 1, группа 2→3 — с группой 2, группа 3→4 — с группой 3. Такие «материнские» группы, обозначаемые цифрами, далее именуются базовыми.

Важное уточнение: применительно к переходным странам рассматривались только годы, *предшествовавшие* переходу. Другими словами, мы работали с наблюдениями из одного кластера, стараясь понять, например, есть ли различия между бедными странами, так и оставшимися бедными (базовая группа), и бедными странами, которые впоследствии стали богаче (переходная группа).

Чтобы не приводить всю статистику дисперсионного анализа (достаточно громоздкую), в *табл. 3* мы представляем лишь обобщенный результат. Для каждой из использованных переменных мы ищем ответ на вопрос: является ли средняя в переходной группе значимо выше, нежели в базовой? При положительном ответе в ячейке ставится знак «+». Статистически незначимым результатам ($p \geq 0,05$) соответствуют пустые ячейки.

Таблица 3 Обобщенные результаты дисперсионного анализа для трех переходных групп (в сопоставлении с базовыми)

<i>Переменная</i>	<i>1→2</i>	<i>2→3</i>	<i>3→4</i>
Transparency	+	+	+
Property_Rights	+	+	+
Governance_Quality	+	+	+
Transparency_Growth			
Property_Rights_Growth		+	
Governance_Quality_Growth			
TFP	+		+
TFP_Growth			+
Due_TFP			+
Due_Accumulation		+	
Labor_Productivity	+		+
Capital_Productivity		+	
Labor_Productivity_Growth	+	+	+
Capital_Productivity_Growth			+
Police	+		

Из табл. 3 видно, что *достигнутый уровень* институционального развития выступает значимым предиктором успеха для всех трех переходов. В то же время *изменения* в качестве институтов таковым не являются, что в очередной раз ставит вопрос о наличии и направлении причинно-следственных связей. Исключение составляет лишь значимость повышения защищенности прав собственности в переходе типа 2→3. Кроме того, институциональные переменные не позволяют различать переходы между собой.

Из TFP-ориентированных переменных только рост производительности труда значим для переходов всех типов. При этом мы полагаем, что природа такого роста на разных стадиях экономического развития неодинакова. Так, при переходе 1→2 увеличение производительности труда обусловлено прежде всего перетоком населения из низкопроизводительных секторов (в первую очередь аграрного) в более производительные (индустриальные). Для перехода 3→4 необходимы изменения в самом качестве занятости и постиндустриальные технологии.

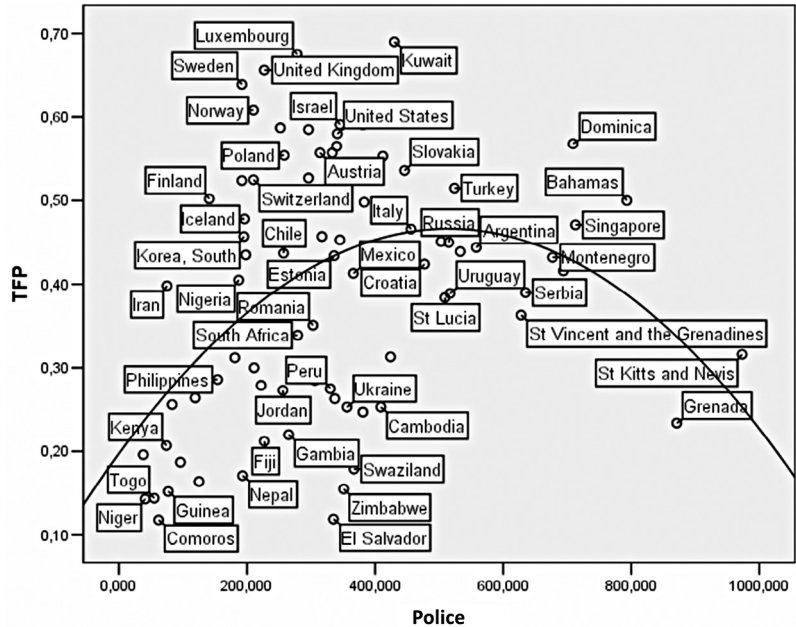
Но именно факторы, связанные с TFP, позволяют предсказать наиболее важный переход 3→4. Он требует одновременного повышения производительности и труда, и капитала, что порождает рост за счет TFP (движение по диагонали к началу координат на *рис. 2*). Это означает вступление на путь интенсивного развития в противовес экстенсивному, осуществляемому лишь за счет более активной «перекачки» ресурсов.

Наконец, подтверждается гипотеза об эффекте «убывающей отдачи» от наращивания принудительного потенциала государства. Переменная *Police* значима только для перехода из категории беднейших стран в категорию умеренно бедных (1→2). Более того, диаграмма на *рис. 6* показывает, что имеет место не просто «убывающая отдача» (как на *рис. 1*), а смена знака производной. В какой-то момент чрезмерный принудительный потенциал государства не просто перестает помогать созданию продуктивной экономики, но начинает работать против нее.

Результаты дисперсионного анализа проверены с помощью логистической регрессии и дискриминантного анализа. Не имея возможности приводить здесь обширную статистику, отметим лишь некоторые результаты, касающиеся веса различных факторов в диагностике способности к переходу:

- роль качества институтов сравнительно невелика для перехода 1→2 и резко возрастает для следующих переходов;
- влияние уровня TFP повышается вместе с номером перехода и достигает максимума при переходе 3→4;
- эффект от наращивания принудительного ресурса государства (в данном случае измеренный посредством доли «белой» экономики) наиболее высок для перехода 1→2, снижается при переходе 2→3 и становится незначимым при переходе 3→4. Это заключение полностью отвечает тому, что было получено в ходе дисперсионного анализа для переменной *Police*;

Рисунок 6 Зависимость между уровнем TFP и числом полицейских на 10 тыс. населения

— роль «интенсивного» типа развития, напротив, растет от перехода 1→2 к переходу 3→4.

Наконец, логистическая регрессия показывает, что совокупность использованных в исследовании переменных в целом хорошо диагностирует переходы между группами благосостояния. MLE-аналоги коэффициента множественной детерминации R^2 колеблются от 0,5 до 0,8 в зависимости от перехода и деталей спецификации модели.

* * *

Проведенный эмпирический анализ носит, разумеется, предварительный характер и не способен отразить все нюансы теоретического подхода. Однако, как мы надеемся, он позволил зафиксировать несколько важных моментов. Так, перефразируя Дугласа Норта, можно констатировать: *TFP matters*. Причем значимость повышения совокупной продуктивности факторов производства и ее составляющих возрастает по мере приближения к «клубу избранных» — наиболее развитым странам. Одновременно обнаружилось, что позитивный эффект для TFP от «деспотической» составляющей государственной состоятельности имеет тенденцию к убыванию и по достижении некоей критической точки дальнейшее наращивание силовых ресурсов

государства ухудшает условия для продуктивной экономической деятельности. Иначе говоря, каждая новая ступень экономического развития требует все большего прогресса TFP, а логика развития рентоориентированного государства препятствует этому. В этом суть «ловушки TFP».

Как выбраться из подобной ловушки? Наше исследование содержит некоторые подсказки, облегчающие решение данной задачи, показывая, какой комбинацией характеристик должно обладать успешное в этом смысле государство. Очевидно, что принципиальным является одновременное развитие (или, точнее, соразвитие) «инфраструктурной» власти и продуктивности общественно-экономической системы. Судя по всему, нужен специальный политический механизм, запускающий такое соразвитие. Но каким должен быть этот механизм? «Демократия» — ответ явно неполный.

Этот вопрос мы считаем основным в развитии темы, поднятой в настоящей работе.

Библиография

Ахременко А.С., Локшин И.М., Петров А.П. 2016. Граница институциональных возможностей и производительность общественных систем: к теоретическому синтезу // *Полис*. № 6.

Ахременко А.С., Локшин И.М., Юрескул Е.А. 2015. Экономический рост и выбор политического курса в авторитарных режимах: «недостающее звено» // *Полития*. № 3.

Гельман В.Я., Стародубцев А.В. 2014. Возможности и ограничения авторитарной модернизации // *Полития*. № 4.

Гоббс Т. 2001. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. — М.

Захаров А.В. 2015. *Теория игр в общественных науках*. — М.

Локшин И.М. 2011. Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи // *Полития*. № 4.

Локшин И.М. 2016. Ловушка демократизации: связи между политиками и избирателями в молодых демократиях // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. № 3.

Макаренко Б.И. 2008. Возможна ли в России модернизация? // *Pro et Contra*. № 5—6.

Мельвиль А.Ю., Ефимов Д.Б. 2016. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность — проблема взаимосвязи // *Политическая наука*. № 4.

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. — М.

Acemoglu D. 2003. Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. № 4.

Acemoglu D., Robinson J. 2000. Political Losers as a Barrier to Economic Development // *American Economic Review*. Vol. 90. № 2.

- Acemoglu D.**, Robinson J. 2006. Economic Backwardness in Political Perspective // *American Political Science Review*. Vol. 100. № 1.
- Acemoglu D.**, Robinson J. 2013. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. — N.Y.
- Andrew Williams Transparency Index** (<https://andrewwilliamsecon.wordpress.com/datasets>)
- Azariadis C.**, Stachursky J. 2005. Poverty Traps // Aghion P., Durlauf S. (eds.) *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1a. — Amsterdam.
- Bäck H.**, Hadenius A. 2008. Democracy and State Capacity: Exploring a J-Shaped Relationship // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. Vol. 21. № 1.
- Baumol W.** 1990. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // *Journal of Political Economy*. Vol. 98. № 5. Part 1.
- Bayesian Corruption Index** (<http://www.sherppa.ugent.be/BCI/BCI.html>).
- Carbone L.**, Richards J. 2009. *The Economy Hits Home: What Makes the Economy Grow?* (<http://www.heritage.org/jobs-and-labor/report/the-economy-hits-home-what-makes-the-economy-grow>).
- Carothers T.** 2007. The «Sequencing» Fallacy // *Journal of Democracy*. Vol. 18. № 1.
- Ceyhan E.**, Oguz O. 2012. *Shadow Economies around the World: Model Based Estimates: Working Paper* (http://www.econ.boun.edu.tr/public_html/RePEc/pdf/201205.pdf).
- Clark G.** 2007. *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. — Princeton.
- Copeland M.**, Martin E. 1938. The Correction of Wealth and Income Estimates for Price Changes // *Studies in Income and Wealth*. Vol. 2. — N.Y.
- Dixit A.** 2007. *Lawlessness and Economics: Alternative Modes of Governance*. — Princeton.
- Doner R.**, Schneider B. 2016. The Middle-Income Trap: More Politics than Economics // *World Politics*. Vol. 68. № 4.
- Easterlin R.** 1981. Why Isn't The Whole World Developed? // *Journal of Economic History*. Vol. 41. № 1.
- Fernandez R.**, Rodrik D. 1991. Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual-Specific Uncertainty // *American Economic Review*. Vol. 81. № 5.
- Fortin-Rittberger J.** 2014. Exploring the Relationship between Infrastructural and Coercive State Capacity // *Democratization*. Vol. 21. № 7.
- Galor O.**, Weil D. 2000. Population, Technology, and Growth: From Malthusian Stagnation to the Demographic Transition and Beyond // *American Economic Review*. Vol. 90. № 4.
- Garrett G.** 2004. Globalization's Missing Middle // *Foreign Affairs*. Vol. 83. № 6.
- GDP per Capita PPP in Constant US Dollars** (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>).

Gill I., Kharas H. 2007. *An East Asian Renaissance: Ideas for Economic Growth*. — Washington.

Greif A. 1994. Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *Journal of Political Economy*. Vol. 102. № 5.

Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (eds.) 2010. *International Statistics on Crime and Justice: United Nations Office on Drugs and Crime Report* (https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/International_Statistics_on_Crime_and_Justice.pdf).

Hellman J. 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // *World Politics*. Vol. 50. № 2.

Heritage Foundation Economic Freedom Index (<http://www.heritage.org/index/explore>).

Hsieh C.-T., Klenow P. 2009. Misallocation and Manufacturing TFP in China and India // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 74. № 4.

ICRG Quality of Government (<https://www.prsrgroup.com/about-us/our-two-methodologies/icrg>).

Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. 2009. Governance Matters VIII: Aggregate and Individual Indicators 1996—2008 // *The World Bank Policy Research Working Paper 4978* (<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/4170/WPS4978.pdf>).

Kharas H., Kohli H. 2011. What Is the Middle Income Trap, Why Do Countries Fall into It, and How It Can Be Avoided? // *Global Journal of Emerging Market Economies*. № 3.

Kinossian N., Morgan K. 2014. Development by Decree: The Limits of the «Authoritarian Modernization» in the Russian Federation // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 38. № 5.

Krusell P., Rios-Rull J.-V. 1996. Vested Interests in a Positive Theory of Stagnation and Growth // *Review of Economic Studies*. Vol. 63. № 2.

Legal Structure and Security of Property Rights Index (https://www.fraserinstitute.org/economic-freedomdatasets_efw.html).

Lokshin I. 2015. Total Factor Productivity and the Institutional Possibility Frontier: An Outline of a Link between Two Theoretical Perspectives on Institutions, Culture, and Long Run Growth // *NRU HSE Basic Research Program Working Paper* (<https://wp.hse.ru/data/2016/04/06/1127111660/30PS2015.pdf>).

Lokshin I., Samorodova A., Skoptsova E. 2016. Total Factor Productivity and Social Cooperation: Theoretical Framework and Tentative Empirical Analysis // *NRU HSE Basic Research Program Working Paper* (<https://www.hse.ru/data/2016/11/15/1110415371/39PS2016.pdf>).

Malthus T. *An Essay on the Principle of Population* (<http://libarch.nmu.org.ua/bitstream/handle/GenofondUA/10219/5c3b2169814769d05bed1ce2e46bdec9.pdf?sequence=1>).

Mann M. 1984. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // *European Journal of Sociology*. Vol. 25. № 2.

Maravall J.M. 1994. The Myth of the Authoritarian Advantage // *Journal of Democracy*. Vol. 5. № 4.

McMillan M., Rodrik D. 2012. Globalization, Structural Change, and Productivity Growth // *IFPRI Discussion Paper 01160* (<https://pdfs.semanticscholar.org/e3f2/ae14a70be43515801dae296aa8098a469eff.pdf>).

Melville A., Stukal D., Mironyuk M. 2013. Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Post-Communist Countries // *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 14. № 4.

Melville A., Stukal D., Mironyuk M. 2014. «King of the Mountain», or Why Postcommunist Autocracies Have Bad Institutions // *Russian Politics and Law*. Vol. 52. № 2.

Murphy K., Shleifer A., Vishny R. 1991. The Allocation of Talent: Implications for Growth // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 106. № 2.

Olson M. 1993. Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. Vol. 87. № 3.

Rodrik D. 2000. Institutions for High-Quality Growth: What Are They and How to Acquire Them // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 35. № 3.

Rodrik D. 2010. *The Myth of Authoritarian Growth* (<https://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth?barrier=accessreg>).

Rothstein B. 2012. Good Governance // Levi-Faur D. (ed.) *The Oxford Handbook of Governance*. — Oxford.

Schumpeter J. 2003. *Capitalism, Socialism and Democracy*. — N.Y.

Transparency International Corruption Perceptions Index (<http://www.transparency.org/research/cpi/overview>).

VDem Index of Political Corruption (<https://www.v-dem.net/en/data/data-version-6-2>).

Weber M. 1919. *Politik als Beruf* (https://www.uwe-holtz.uni-bonn.de/lehrmaterial/weber_politik_als_beruf.pdf).

Worldwide Governance Indicators (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>).

References

Acemoglu D. 2003. Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. № 4.

Acemoglu D., Robinson J. 2000. Political Losers as a Barrier to Economic Development // *American Economic Review*. Vol. 90. № 2.

Acemoglu D., Robinson J. 2006. Economic Backwardness in Political Perspective // *American Political Science Review*. Vol. 100. № 1.

Acemoglu D., Robinson J. 2013. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. — N.Y.

Akhremenko A.S., Lokshin I.M., Petrov A.P. 2016. Granica institucional'nyh vozmozhnostej i proizvoditel'nost' obshhestvennyh sistem: k teoreticheskomu sintezu // *Polis*. № 6.

Akhremenko A.S., Lokshin I.M., Yureskul E.A. 2015. Ekonomicheskij rost i vybor politicheskogo kursa v avtoritarnyh rezhimah: «nedostajushhee zveno» // *Politeia*. № 3.

Andrew Williams *Transparency Index* (<https://andrewwilliamsecon.wordpress.com/datasets>)

Azariadis C., Stachursky J. 2005. Poverty Traps // Aghion P., Durlauf S. (eds.) *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1a. — Amsterdam.

Bäck H., Hadenius A. 2008. Democracy and State Capacity: Exploring a J-Shaped Relationship // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. Vol. 21. № 1.

Baumol W. 1990. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // *Journal of Political Economy*. Vol. 98. № 5. Part 1.

Bayesian Corruption Index (<http://www.sherppa.ugent.be/BCI/BCI.html>).

Carbone L., Richards J. 2009. *The Economy Hits Home: What Makes the Economy Grow?* (<http://www.heritage.org/jobs-and-labor/report/the-economy-hits-home-what-makes-the-economy-grow>).

Carothers T. 2007. The «Sequencing» Fallacy // *Journal of Democracy*. Vol. 18. № 1.

Ceyhan E., Oguz O. 2012. *Shadow Economies around the World: Model Based Estimates: Working Paper* (http://www.econ.boun.edu.tr/public_html/RePEc/pdf/201205.pdf).

Clark G. 2007. *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. — Princeton.

Copeland M., Martin E. 1938. The Correction of Wealth and Income Estimates for Price Changes // *Studies in Income and Wealth*. Vol. 2. — N.Y.

Dixit A. 2007. *Lawlessness and Economics: Alternative Modes of Governance*. — Princeton.

Doner R., Schneider B. 2016. The Middle-Income Trap: More Politics than Economics // *World Politics*. Vol. 68. № 4.

Easterlin R. 1981. Why Isn't The Whole World Developed? // *Journal of Economic History*. Vol. 41. № 1.

Fernandez R., Rodrik D. 1991. Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual-Specific Uncertainty // *American Economic Review*. Vol. 81. № 5.

Fortin-Rittberger J. 2014. Exploring the Relationship between Infrastructural and Coercive State Capacity // *Democratization*. Vol. 21. № 7.

Galor O., Weil D. 2000. Population, Technology, and Growth: From Malthusian Stagnation to the Demographic Transition and Beyond // *American Economic Review*. Vol. 90. № 4.

Garrett G. 2004. Globalization's Missing Middle // *Foreign Affairs*. Vol. 83. № 6.

GDP per Capita PPP in Constant US Dollars (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>).

Gel'man V.Ya., Starodubcev A.V. 2014. Vozmozhnosti i ogranichenija avtoritarnoj modernizacii // *Politeia*. № 4.

Gill I., Kharas H. 2007. *An East Asian Renaissance: Ideas for Economic Growth*. — Washington.

Greif A. 1994. Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *Journal of Political Economy*. Vol. 102. № 5.

Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (eds.) 2010. *International Statistics on Crime and Justice: United Nations Office on Drugs and Crime Report* (https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/International_Statistics_on_Crime_and_Justice.pdf).

Hellman J. 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // *World Politics*. Vol. 50. № 2.

Heritage Foundation Economic Freedom Index (<http://www.heritage.org/index/explore>).

Hobbes T. 2001. *Leviathan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo*. — M.

Hsieh C.-T., Klenow P. 2009. Misallocation and Manufacturing TFP in China and India // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 74. № 4.

Huntington S. 2004. *Politicheskij poryadok v meniajushhihsja obshhestvah*. — M.

ICRG Quality of Government (<https://www.prsgroup.com/about-us/our-two-methodologies/icrg>).

Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. 2009. Governance Matters VIII: Aggregate and Individual Indicators 1996—2008 // *The World Bank Policy Research Working Paper 4978* (<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/4170/WPS4978.pdf>).

Kharas H., Kohli H. 2011. What Is the Middle Income Trap, Why Do Countries Fall into It, and How It Can Be Avoided? // *Global Journal of Emerging Market Economies*. № 3.

Kinossian N., Morgan K. 2014. Development by Decree: The Limits of the «Authoritarian Modernization» in the Russian Federation // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 38. № 5.

Krusell P., Rios-Rull J.-V. 1996. Vested Interests in a Positive Theory of Stagnation and Growth // *Review of Economic Studies*. Vol. 63. № 2.

Legal Structure and Security of Property Rights Index (https://www.fraserinstitute.org/economic-freedomdatasets_efw.html).

Lokshin I.M. 2011. Politicheskie rezhimy i kachestvo funkcionirovanija gosudarstva: analiz vzaimosvjazi // *Politeia*. № 4.

Lokshin I.M. 2015. Total Factor Productivity and the Institutional Possibility Frontier: An Outline of a Link between Two Theoretical Perspectives on Institutions, Culture, and Long Run Growth // *NRU HSE Basic Research Program Working Paper* (<https://wp.hse.ru/data/2016/04/06/1127111660/30PS2015.pdf>).

Lokshin I.M. 2016. Lovushka demokratizacii: svjazi mezhdru politikami i izbirateljami v molodyh demokratijah // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki*. № 3.

Lokshin I., Samorodova A., Skoptsova E. 2016. Total Factor Productivity and Social Cooperation: Theoretical Framework and Tentative Empirical Analysis // *NRU HSE Basic Research Program Working Paper* (<https://www.hse.ru/data/2016/11/15/1110415371/39PS2016.pdf>).

- Makarenko B.I.** 2008. *Vozmozhna li v Rossii modernizacija?* // *Pro et Contra*. № 5—6.
- Malthus T.** *An Essay on the Principle of Population* (<http://libarch.nmu.org.ua/bitstream/handle/GenofondUA/10219/5c3b2169814769d05bed1ce2e46bdec9.pdf?sequence=1>).
- Mann M.** 1984. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // *European Journal of Sociology*. Vol. 25. № 2.
- Maravall J.M.** 1994. The Myth of the Authoritarian Advantage // *Journal of Democracy*. Vol. 5. № 4.
- McMillan M., Rodrik D.** 2012. Globalization, Structural Change, and Productivity Growth // *IFPRI Discussion Paper 01160* (<https://pdfs.semanticscholar.org/e3f2/ae14a70be43515801dae296aa8098a469eff.pdf>).
- Melville A., Stukal D., Mironyuk M.** 2013. Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Post-Communist Countries // *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 14. № 4.
- Melville A., Stukal D., Mironyuk M.** 2014. «King of the Mountain», or Why Postcommunist Autocracies Have Bad Institutions // *Russian Politics and Law*. Vol. 52. № 2.
- Melville A.Yu., Efimov D.B.** 2016. «Demokraticeskij Leviathan»? Rezhimnye izmenenija i gosudarstvennaja sostojatel'nost' — problema vzajmosvjazi // *Politicheskaja nauka*. № 4.
- Murphy K., Shleifer A., Vishny R.** 1991. The Allocation of Talent: Implications for Growth // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 106. № 2.
- Olson M.** 1993. Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. Vol. 87. № 3.
- Rodrik D.** 2000. Institutions for High-Quality Growth: What Are They and How to Acquire Them // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 35. № 3.
- Rodrik D.** 2010. *The Myth of Authoritarian Growth* (<https://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth?barrier=accessreg>).
- Rothstein B.** 2012. Good Governance // Levi-Faur D. (ed.) *The Oxford Handbook of Governance*. — Oxford.
- Schumpeter J.** 2003. *Capitalism, Socialism and Democracy*. — N.Y.
- Transparency International Corruption Perceptions Index** (<http://www.transparency.org/research/cpi/overview>).
- VDem Index of Political Corruption** (<https://www.v-dem.net/en/data/data-version-6-2>).
- Weber M.** 1919. *Politik als Beruf* (https://www.uwe-holtz.uni-bonn.de/lehmaterial/weber_politik_als_beruf.pdf).
- Worldwide Governance Indicators** (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>).
- Zakharov A.V.** 2015. *Teorija igr v obshhestvennyh naukah*. — M.